

Пятая часть их пошла на проект ГЭС в Наглу. Наша страна не знала ничего подобного, что можно было бы сравнить с этим проектом. Ведь мощность ГЭС будет больше, чем мощность всех нынешних электростанций Афганистана.

В комнату легко вбежал худой, словно высушенный жарким солнцем, смуглый афганец с большим чайником в руке. Поклонившись генералу, он быстро разлил чай и так же бесшумно удалился.

— Советские специалисты, — отхлебывая обжигающий напиток, продолжал генерал, — исследовали много мест, ища самое подходящее для стройки. Я думаю, что они знают нашу землю лучше, чем мы сами.

В Афганистане сооружен с помощью Чехословакии цементный завод в Пули-Хумри. Но если говорить откровенно, то, кроме цемента и рабочих рук, все остальное мы получаем из Советского Союза. От вас приехали замечательные специалисты. Они стали обучать наших людей новым, неизвестным в Афганистане профессиям. Впрочем, это всюду, на всех стройках, которые ведутся с помощью Советского Союза. Недаром слово «друг» наши рабочие часто заменяют не менее ласковым, но еще более почетным — «учитель». Ведь многие из них учились у советских специалистов и могут теперь управлять машинами, руководить участками. Вот почему мы считаем, что на стройке нет ни одного иностранца или чужого человека. Здесь все свои. И, поверьте моему слову, это никогда не забудется.

Генерал рассказывал, как поставляют из Советского Союза самые современные машины. Они идут на границу с Афганистаном, а потом на баржах к речному порту Кзыл-Кала, тоже построенному с советской помощью.

Генерал перебросился несколькими фразами с инженером Николаем Ивановичем Мягковым, и тот, улынувшись, продолжил рассказ:

— Самое сложное — подготовка кадров. Сложность в том, что девяносто пять процентов рабочих неграмотно. Это вчерашние крестьяне, виноградары, батраки, а то и просто кочевники. Но все они тянутся к знаниям. И нам многое удалось сделать: на всех бульдозерах уже работают афганцы, и работают хорошо. Афганцы работают и на экскаваторах, я уже не говорю о шоферах. Появились хорошие проходчики, такие, как Боль-Большах.

Позже, зайдя под прохладные своды пробитого в горах тоннеля, мы наблюдали за работой проходчиков, которыми руководит Боль-Большах, что в переводе означает Король Соловьев.

— Не знаю, как насчет Короля Соловьев, — сказал Николай Иванович Мягков, — но королем афганских проходчиков его можно смело назвать. А ведь два года назад он был чернорабочим.

Николай Иванович подошел к Боль-Большаху и, стараясь перекричать треск перфораторов, что-то стал говорить ему по-афгански.

Тот согласно кивал головой:

— Хуб, бесйар хуб! Хорошо, очень хорошо!

— Что это вы ему говорили, Николай Иванович? — спросил я.

— Попросил взять учеников из молодых ребят, а то уже сейчас не хватает проходчиков, а через некоторое время совсем будет плохо.

— Справится?

Николай Иванович удивился:

— Боль-Большах-то? Ему можно доверить что угодно. Золотые руки.

— А как вы стали строителем? — обратился я к генералу.

— Я еще не стал, но хочу стать. Видите ли, опять не обошлось без господина Хрущева. Однажды министр обороны созвал военный совет. На нем он сказал, что в мире происходят великие события и перемены. И одним из таких великих событий он назвал выступление господина Хрущева в Организации Объединенных Наций с программой разоружения. Не думайте, пожалуйста, что я говорю это для политического отклика. Так было на самом деле, можете спросить других генералов. «Придет время, — сказал наш министр, — когда командиры будут нужны только на стройках, а не в армии. Но не думайте, что это очень далекое время». И он рассказал о начинающейся стройке в Наглу, о перспективах, которые она откроет перед экономикой Афганистана, о почетной задаче руководить таким строительством. А потом спросил: нет ли желающих поехать в Наглу? Четыре генерала подняли руки. Не знаю почему, но выбрали меня, и я очень доволен. И несмотря на то, что я начальник стройки, я всегда говорю своим советским друзьям: смотрите на меня как на ученика. Я хочу не только руководить по долгу службы, но и учиться, чтобы руководить потом со знанием дела.

Там, где сливаются в единый поток реки Кабул, Пандшер и Тагау, стоит сейчас неумолчный грохот. Экскаваторы, поднятые на вырубленные в скалах террасы, как слоны хоботы, опускают вниз свои длинные стрелы и огромной ладонью выгребают взорванные скалы с того места, где поднимется более чем на стометровую высоту красавица-плотина. А за ней разольется гигантское водохранилище — искусственное море Афганистана, о котором уже мечтает юный Мухаммед, не видевший моря даже на картинке.

...Был обеденный час, тот час, когда южное солнце заставляет прятаться в тень все живое. Мы сидели в просторном зале гостиницы Сароби. Гудели, нагнетая холодный воздух, аппараты кондиционирования, вращали широкими лопастями вентиляторы.

Генерал Серадж обстоятельно рассказывал о том, чем заполнена была его жизнь, — о стройке.

— Строительство ГЭС изменит облик этого края. Кстати, вы знаете, как его называли раньше? Мертвым краем. Нет воды, значит, нет жизни. Зелень только на узкой полоске вдоль рек. В других местах все сгорает.

Я еще раньше обратил внимание, что здесь нет деревьев, а земля, словно поджаренная на сковороде, испещрена глубокими трещинами.

— Афганистан — горная страна, — продолжал генерал, — воды мало. А та, что есть, или терялась в песках пустынь, или уходила на юг, стекая без пользы для нас в чужие реки. Теперь мы хотим заставить воду служить нам.

Главный специалист в Наглу Николай Яковлевич Лухнев добавил:

— Очень правильно, что в Афганистане взят курс на развитие энергетики. Без нее не может быть развития промышленности. А она уже растет, строятся заводы, каких раньше не было и не могло быть.

— Да, да, — подтвердил генерал, — авторемонтный завод, хлебокомбинат, нефтеперерабатывающая установка, завод азотных удобрений, теплоэлектростанция на природном газе и другие предприятия — это только то, что построено или строится с помощью Советского Союза. Энергии нам потребуется много.

Генерал бросил взгляд на поселок, возвышающийся на крутом берегу:

— Все это выросло в последние годы. Да и мы уже успели многое сделать. Видели, какую больницу построили для своих рабочих? А совсем недавно в этих местах о врачах и не слышали. Все болезни лечили знахари. Конечно, их еще и сейчас немало — сразу их не выживешь, — но уже проник и сюда, в «мертвый район», кусочек новой жизни. Десять-двадцать лет назад отсюда в Кабул можно было добраться только по узенькой караванной тропе. В Джелалабад большую часть года нельзя было попасть — не было ни одного моста через реки. А сейчас — хорошая дорога, мосты, заправочные станции.

— Хотите посмотреть самый удивительный участок стройки? — предложил генерал.

— Проходку тоннеля или взрыв скалы?

— Нет, что вы, — засмеялся генерал, — я хочу повезти вас на свой любимый участок — в зеленый цех.

Николай Яковлевич Лухнев загадочно улыбнулся, но ничего не сказал.

— Есть у нас участок, где работают настоящие кудесники, маги из восточных сказок. Только вид у них совсем другой — молодые, русоволосые, и волшебство у них от больших знаний.

— Кто же эти волшебники, господин генерал? — спросил я.

— Супруги Яблоковы. Они занимаются проблемой озеленения «мертвой зоны». Хотят вырастить леса и сады там, где и трава не росла.

В длинном, напоминающем сарай, строении было удивительно прохладно, прохладней, чем в холле гостиницы.

Лида и Сергей Яблоковы — хозяева этого благоустроенного места, совсем молодые инженеры — ходили меж бесчисленных горшочков и ящичков с молодой зеленью.

Оазис, который приятно радует глаз среди выжженной земли, — дело их рук. Они уже разбили лесопитомник, и молодые деревца потянулись к солнцу. Цветут необыкновенные пышные цветы. А над ними желтыми шапками возвышаются подсолнечники.

— Это уже дань родным местам, — говорит Сергей.

— Мы верим, что тут зашумят сады, — сказал генерал, похлопывая Сергея по плечу. — Такие люди могут сделать все, что угодно.

И, уже переходя на шуточный тон, спросил:

— Ну, а яблоки будут?

— Чего не сделаешь для хорошего друга! — в тон ему ответил Сергей. — Будут и яблоки, господин генерал.

...Мы уезжали со стройки поздно вечером. Тянуло легкой прохладой с гор, искрилась лунным светом вода в реке, горели высоко в небе крупные, как горошины, звезды. Ночь нарушал неумолчный гул моторов и скрежет металла по граниту. На стройке все шло по точно разработанному графику.

Создается гигант афганской энергетики, великий монумент дружбы народов двух стран. На выезде из поселка в свете фар выросла хрупкая фигурка Мухаммеда.

— Тебя опять подвезти?

— Нет. Вы уезжаете?

— Да.

— А я хотел спросить: правда в море вода будет сладкой?

— Правда, Мухаммед.

— Ну тогда до свиданья. Спасибо, инженер.

И он скрылся, словно растаял в плотной темноте ночи.

ПЕРЕМЕНЫ В БИРМЕ

(Окончание. Начало см. на стр. 23)

Рангуна и других городов Бирмы единодушно одобрил национализацию иностранных и частных предприятий, проведенную за последнее время.

Однако внутривластный курс нового правительства не всем пришелся по душе. Прикрываясь лозунгом защиты парламентской демократии, оппозиционные Революционному совету силы сопротивляются проведению декларации в жизнь. По сообщению бирманской газеты «Амьода незин» от 16 января 1963 года, Социалистическая партия дала всем своим первичным организациям секретное указание развернуть борьбу за восстановление парламентской демократии. Резко усилилась оппозиция со стороны определенных кругов частного капитала. Находящиеся в подполье сепаратисты-феодалы предпринимают попытки к сплочению, стараясь при этом заручиться поддержкой агрессивного блока СЕАТО. Все эти факты свидетельствуют о том, что различные силы, оппозиционные Революционному совету, не намерены без боя сдаваться, они организуются для упорной борьбы.

Внутривластная программа Революционного совета явно не по душе и определенным империалистическим кругам, ожидавшим иного исхода событий в Бирме. Английские банковские монополии выразили серьезное беспокойство национализацией их собственности в этой стране, а лондонский журнал «Экономист» обвинил Революционный совет и его главу в диктаторстве. Английская монополистическая печать недвусмысленно заявляет, что в результате национализации торговли рисом Бирма, возможно, столкнется с трудностями при его реализации на внешних рынках, хотя общеизвестно, что именно монополия на экспорт риса давала Бирме в прошлом большие преимущества на мировом рынке.

Такова обстановка, в которой Революционный совет приступает к реализации своей внутривластной программы. Широкие политические и общественные круги в Бирме считают, что прогрессивные идеи программы могут быть последовательно осуществлены им только при опоре на народные массы, на основе дальнейшего сплочения всех патриотических сил страны.

СССР всегда с большим пониманием и сочувствием относился к борьбе народов Бирманского Союза за лучшее будущее. Как заявил Н. С. Хрущев в приветственном послании генералу Не Вину по случаю 15-й годовщины независимости Бирмы, советские люди с большим удовлетворением отмечают успехи, достигнутые бирманским народом на путях самостоятельного развития. Проводимая Бирмой внешняя политика, основанная на принципах сосуществования, ее борьба за мир, за всеобщее и полное разоружение, за ликвидацию остатков колониализма заслуженно снискала к ней уважение.

Советский Союз желает народу дружественной Бирмы дальнейших успехов в его трудной, но благородной борьбе за мир и прогресс.